

№ 2684₃

очень оживленные прения и необходимо ству медицины въ земскихъ губернияхъ.

Журнальные новости.

«Домъ съ мезонинномъ» (разсказъ художника), А. П. Чехова. — «Златошница», петербургская новелла, З. Гиппиусъ. — «Въ мѣрѣ отверженныхъ» (эпизикъ бытаго каторжанца), Л. Меланина. — «Клятва», романъ П. Д. Боборыкина. — «Тяжелая саргата», повесть Д. Мамина-Сибиряка. — «Тарантелла», разсказъ Н. Бунина (Русская Мысль, Спиритный Вистникъ, Русское Государство, Вистникъ Европы, Новое Слово, апрель).

Въ апрѣльской книжкѣ Русской Мысли помѣщенъ новый разсказъ г. Чехова «Домъ съ мезонинномъ». Названіе само по себѣ не опредѣляетъ содержанія разсказа; оно только позволяетъ судить о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, да и то лишь по малѣйшей степенѣ, такъ какъ нѣкоторые важныя событія разсказа происходятъ вѣдомъ съ мезонинномъ. Тѣмъ не менѣе послѣдній все-таки играетъ нѣкоторую роль, такъ какъ подлѣ его проведѣніи живутъ вѣдѣтъ съ матерью дѣвъ сестры — героини разсказа. Дѣло происходитъ вѣдомъ изъ деревни. Старшая сестра проводитъ время или въ обученіи грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, или въ постоянныхъ разсказахъ и хлопотахъ объ устройствѣ больницы, попомъ которѣмъ, агитация противъ несправедливости ей земскихъ гласныхъ и т. п. Младшая до озуренія читаетъ романы и ничего не дѣлаетъ. Въ окладѣтъ съ ними поселится художникъ-пейзажистъ, отъ лица котораго ведется разсказъ. Художникъ знакомится съ сестрами, спорить съ матерью, доказываетъ ей необходимость и даже предъ всѣмъ

кой общественной дѣятельности, направленной на частичныи улучшеніи народнаго быта, и настаиваетъ на необходимости устраненія главной причины народныхъ страданій — «физическаго труда». Онъ скучаетъ, ничего не дѣлаетъ, таготится собственной праздноствіемъ и однажды отъ скуки ѣздитъ провожающую его младшую сестру. Послѣдняя, принявъ этотъ поцѣлуй за обласканіе въ любви, доводитъ о всемъ происшедшемъ до свѣдѣнія старшей сестры, которая, чувствуя антипатию къ художнику, разстрѣкиваетъ начинающийся романъ тѣмъ, что отсылаетъ сестру за границу. Дѣтныя экскурсіи художника оканчиваются, онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ.

При голой передачѣ фактовъ, составляющихъ фабулу разсказа, личность художника представляеть мало интереса, а повесть о его похожденияхъ кажется самымъ примитивной. На самомъ же дѣлѣ тонъ разсказа и содержаніе рѣчей художника придаютъ попому произведенію г. Чехова особенный интересъ.

Герой «Домъ съ мезонинномъ» принадлежитъ въ категоріи «хиурныхъ людей», не разъ уже фигурировавшихъ въ произведеніяхъ автора. Обуславливался эта хиурность въ прежнихъ разсказахъ г. Чехова различными причинами, въ некоторыхъ случаяхъ патологическимъ состояніемъ героя и перспективной близкой смерти, заставлявшей отрицательно относиться къ чужой, и въ своей дѣятельности («Случайная исторія»), въ другихъ — случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ («Непріятность»), въ третьихъ — особенномъ раздражительностью нервной системы, т. е. опытъ таинъ патологіей («Припадокъ»). Зависимость этой хиурности отъ переживаемаго времени или особую связь съ общими условіями жизни, объясняющую частую повторимость хиурности, — заимѣтъ въ авторскихъ описаніяхъ было трудно. Чего-нибудь демоническаго, бѣй-

ровки ихъ для усовершенствованія, что

рано утромъ и уходитъ съ закрытыми

роновскаго, печоринскаго, какого-нибудь желанія показать себя выше обыкновенныхъ людей въ хмурыхъ герояхъ не было. Ихъ хмурость не была добровольно носимой и выставленной на показъ печатью отверженія, символомъ собственнаго превосходства надъ другими и презрѣнія къ слабостямъ міра, какъ это было у хмурившихся людей давно прошедшей эпохи. Хмурый человекъ безвозвратно исчезнувшего времени, тотъ, который «звалъ прекрасное мечтою въ вдохновенные презрѣль», кто «не въриль любви, свободы» и «ничего во всей природѣ благословить не хотѣлъ», — находилъ наслажденіе въ этомъ, по большей части напускномъ, презрѣніи, въ отсутствіи вѣры, и въ отказѣ отъ благословенія. Онъ или самъ върился, или по крайней мѣрѣ другихъ хотѣлъ увѣрить въ томъ, что въ немъ заложены запасы богатыхъ силъ, особаго «небеснаго огня», ставшаго его отдѣльно отъ другихъ смертныхъ и позволяющаго «на жизнь насмѣшливо глядѣть». Этой увѣренностью или этихъ стремленій онъ было до извѣстной степени счастливъ. Хмурые люди, описанные г. Чеховымъ, ни въ чемъ подобномъ неповинны, и если что-нибудь ихъ заставляетъ хмуриться, то уже никакъ не увѣренность въ свои силы, а главнымъ образомъ и чаще всего сознаніе своего безсилія, — безсилія разбѣжнть какой-нибудь мучающій ихъ вопросъ («Припадокъ», «Непріятность»), безсилія откликнуться на жизненные интересы другихъ людей («Скучная исторія»), безсилія понять смыслъ жизни («Три года») и т. п. Интересъ къ существованію другихъ, инстинктовъ общественнаго животнаго хмурые люди г. Чехова не принимаютъ; погруженные въ самихъ себя, они не «глядятъ на жизнь насмѣшливо», подобно деоническимъ натурамъ прошлаго времени, — они просто игнорируютъ жизнь вслѣдствіе неспособности черпать въ общіе интересы никульсы для собствен-

наго существованія. Въ некоторыхъ случаяхъ это отсутствіе интереса къ чужой жизни объясняется внезапнымъ появленіемъ какой-либо идеи, заслонившей своей непосредственной важностью для хмурого человека все, на что до тѣхъ поръ онъ обращалъ вниманіе. Прекрасное изображеніе подобнаго состоянія мы находимъ, напримѣръ, въ «Скучной исторіи», гдѣ констатированіе у себя неизлѣчимой болѣзни набрасываетъ на исъ прежніе интересы героя тѣмъ мертвенности и могильнаго безразличія; призракъ предстоящей смерти мѣняетъ въ его глазахъ всѣ общественныя и семейныя отношенія, научную дѣятельность, прежнія приязни и пр. Въ другихъ случаяхъ причина хмурости не выступаетъ настолько ясно, но, какова бы она ни была, душевное состояніе хмурыхъ людей, изображенныхъ г. Чеховымъ, чаще всего поразжаетъ сознаніемъ своего безсилія.

Всѣ эти хмурые люди, страдавшіе и не страдавшіе неизлѣчными болѣзнями, дѣлавшіеся и не дѣлавшіеся своими страданіями съ окружающими, молчаливые и разговорчивые, — представляли, можетъ быть, изъ себя единичныя явленія, изображеніе которыхъ было интересно только какъ правдивое изображеніе всякаго, хотя бы даже исключительнаго душевнаго состоянія. Но герой новаго разсказа г. Чехова представляетъ интересъ совершенно особенный. Онъ художникъ, и, какъ видно изъ разсказа, художникъ талантливый, ищущій поклонниковъ и поклонницъ среди публики, лично съ ними незнакомой. Какими произведеніями можетъ дарить публику хмурый человекъ? Чѣмъ питается его творчество? Какими условіями объясняется эта хмурость у служителя искусства, т. е. у человека, въ силу своего таланта особенно тѣснаго и отражающаго жизнь? Не можетъ ли настроеніе этое какъ-нибудь творца, питающаго публику продуктами своего твор-

мими вазамъ съ цвѣтами. Небольшая пле-

назначаются: преподающая должность экстраординарнаго профессора Демидовска-

чества, служить показателемъ существованія въ обществѣ особнхъ условій, располагающихъ къ той формѣ хмурости, которая описывается г. Чеховымъ? Мы говоримъ: въ той специальной формѣ хмурости, которая встрѣчается у героев г. Чехова, — потому что недовольство жизнью, основанное на несоответствіи окружающихъ условій съ собственными идеальными стремленіями, можетъ служить и служило исходнымъ пунктомъ для созданія великихъ произведеній искусства. Только жизнь тогда, конечно, не игнорируется, окружающее не оставляетъ равнодушнымъ и — *facit indignatio versum*. Художникъ, изображаемый въ «Домѣ съ мезониномъ», страдаетъ совѣстью не такой формой недовольства. Не негодование чувствуетъ онъ къ тому, что его окружаетъ, а равнодушіе и скуку. Ему скучно одиночество в скучно совѣстное съ кѣмъ-либо житье, скучно молчаніе, но скученъ и разговоръ. «Сотни перестъ пустынной, однообразной, выгорѣвшей стѣны не могутъ, — говоритъ онъ, — нагнать такого унынія, какъ одинъ человекъ, когда онъ сидитъ, говорить и немнѣстно, когда онъ уйдетъ». Скука составляетъ постоянный приливъ всѣхъ его движеній, поступковъ и рѣчей, и трудно сказать, въ чемъ могъ бы онъ черпать вдохновеніе при своемъ полномъ равнодушіи къ жизни и чувствамъ другихъ, при отсутствіи интереса къ отвлеченнымъ вопросамъ, при безразличномъ отношеніи даже къ понятіямъ «красота», «искусство», «наука», которыя, несмотря на принадлежность его къ артистическому міру, «восторгомъ сладостнымъ его умъ не шевелятъ». Естественнымъ послѣдствіемъ этого апатичнаго и равнодушнаго отношенія ко всему является отсутствіе вдохновенія, безсиліе творчества и мучительное сознаніе своей неспособности въ продолженіи обычнаго дѣла. Это сознаніе безсилія служить новымъ цено-

домъ въ хмурости, и такимъ образомъ создается заколдованный кругъ, въ которомъ причина и слѣдствіе такъ перепутываются другъ съ другомъ, что трудно сказать, гдѣ долженъ прелиться «излѣчительный бальзамъ» для излѣченія хмурающей души отъ потери жизнеспособности.

Но сознаніе безсилія в потерю творческой способности не препятствуетъ художнику высказывать другія причины собственной бездѣтельности. Въ сворѣ съ одной изъ сестеръ, живущихъ въ «домѣ съ мезониномъ», онъ отъ скуки сыплетъ парадоксальными мыслями, которыми, какъ и всему на свѣтѣ, самъ не придаетъ никакого значенія. Между прочимъ свою бездѣтельность, протекшую отъ безсилія творчества, онъ объясняетъ такимъ образомъ. Въ и вся, по его мнѣнію, занимаются теперь совершенно не тѣмъ, чѣмъ нужно. «Весь умъ, вся душевная энергія ушла на удовлетвореніе временныхъ, преходящихъ нуждъ. У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, но ихъ многи удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человекъ попрежнему остается самымъ инстинктивнымъ и самымъ нечеловѣческимъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человѣчество въ своемъ большинствѣ изродилось и утратило навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго нечеловѣческаго животнаго, поддерживая существующій порядокъ. И я не хочу работать, и не буду...» Художникъ, конечно, говоритъ все это отъ скуки; но его объясненіе является въ высшей степени характернымъ для всѣхъ служителей искусства, желающихъ приискать приличное объясненіе временному или хроническому

иногда принимая видимость живого, на-
длежащего Его Величества полка,

настоящее творчество. Доводя этот
приходится слышать довольно часто, а
частое повторение одних и тех же ар-
гументов заставляет думать, что в про-
цессе, вызывающие их, однородны, что в
самом художнике, и безжалостно его творче-
ства, и чуждость — являются не единичными,
а стоящая в зависимости от условий
современной жизни. В этих условиях,
очевидно, мало того, что побуждает
творческую деятельность, порождает вдох-
новение, пробуждает энергию. И худож-
ник, и писатель, не обладающие значе-
тельной долей жизнеспособности, находят
в окружающей обстановке постоянную
нишу для вдохновения только в том
случае, если пульс общественной жизни
бьется полно, увлечения и напряжения соб-
ственной энергией как творческой способно-
сти. Равнодушное общество, отсутствие
общественных интересов и слабо рабо-
тающая общественная мысль не пробуж-
дают в художнике писателя обществен-
ственного животного, если эти писатели
вообще не составляют сильную часть его
природы. В нем не просыпается инте-
реса к жизни других, и потому в каж-
дом представляющемся ему мотиве для
своих произведений он прежде всего и
писи все видит скуку. Если, несмо-
тря на свое отвращение к этому мотиву,
он пробует и воспользоваться, то дей-
ствительно продукты творчества являются
скука, как восторженная отшель-
таинства этого художника или писателя.
Безразличное своего безразличия прибавляет вто-
му скучному настроению более интен-
сивную окраску, и тихий представитель ли-
тературы или живописи вполне сформиро-
ван. Такая психология художника, изо-
браженного в последнем рассказе г. Че-
хова, и такова, как нам кажется, пси-
хология многих современных писателей.
Сами они, однако, объясняют свою без-
деятельность или неумелую деятельность
иначе. Художник, фигурирующий в «Доме

исковой. Для кабинета естественных
наук учителя помертвены К. К.

и незонини», объяснить ее, как мы
видели, своим нежеланием работать
«для забавы нечистоплотного животного».
Другие говорят, что раздающийся из
определенного «литературного лагеря» тре-
бования «идеальности» и общественных
требований парализуют их деятельность, так
как действительными их стремления на-
правлены в сторону «свободного искус-
ства и истинной художественности». На
самом деле они не ищут или плохо
ищут не потому, что принуждены ра-
ботать в не понимающей их среде, а
потому, что им сказать нечего, потому
что из этой среды они безразличны из-
влечь им удалось для творческой деятель-
ности, и на «свободное искусство», так
же, как на «жизнеспособность хищного
и нечистоплотного животного» им, вы-
ражаясь языком одного из героев г.
Маякова, «из высокой ступени наплеватель».

Единичные факты сильного и деятель-
ного интереса к окружающей жизни не-
способны «восторгам» сладостным
их уми» расшевелить. Когда художник
«Дом с мезонином» начинает раз-
сказывать о постоянных хлопотах Ли-
ды (старшей сестры) на пользу народного
образования или сельской медицины, то в
словах Лиды приписывает образ чего то ме-
ханически движущегося на заводных пру-
жинах, и от всей ее деятельности вь-
стает скука прямолинейности и бездушия.
Да иначе оно и не может быть, потому
что темными стеклами и солнечный яркий
день превращают в осень. Этой хму-
ростью впрочем объясняется особенное
вульгаризирование живописью и литерату-
рой последнего времени того генге-
епиусов, который, по известной него-
порит, представляется единственно недо-
пустимым из всех родов искусства.
Этой же неспособностью найти в се-
бе отклик на интересы повседнев-
ной жизни объясняется любовь к экстра-
ординарным сюжетам, к необыкновен-

5

200 р. и 100 р. 50 к. 172 р. 50 к.
хода. Выжили 2 гита, причемъ развитиѣй-
гитъ определялъ побѣдителя. Выжили: Кон-

вынѣ типовъ, въ исключительной прик-
лности которыхъ писатели видятъ спа-
сенье отъ скуки, навѣваемой на нихъ те-
нью изъ жизни обыкновенныхъ людей.
Нѣтъ ничего удивительнаго, что и теперь,
какъ въ доброе старое время романтизма,
но при полномъ отсутствіи прежней ро-
мантической наивности, появляется на-
клонность въ изображеніи непонятыхъ на-
туръ, «прекрасныхъ какъ ангелъ небес-
ный, какъ демонъ коварныхъ и злыхъ»;
нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если
для спасенія писателя и читателя отъ
скуки эти натуры выражаютъ странныя
желанія, напримеръ (какъ въ одномъ изъ
недавнихъ разсказовъ) желаніе «лечь
въ костюмъ Евы на цвѣтникахъ обществен-
наго сада». Въ другихъ случаяхъ непон-
ятость или непонятность натуры идетъ
еще дальше. Такъ, напр., въ произведе-
ніи г-жи Гиннпусъ «Златоцвѣтъ», окон-
ченномъ въ апрѣльской книжкѣ *Совре-
ннаго Естествознанія*, героиня топитъ не-
уверенныя физическія влеченія въ
человѣку, въ которому она чувствуетъ
физическое отвращеніе. Для того, чтобы
читатели могли получить понятіе объ
этомъ произведеніи, которому авторъ далъ
названіе «Петербургской новеллы», не надо
передавать его содержанія; достаточно при-
вести нѣсколько выдержекъ изъ заключи-
тельной сцены, написанной въ тонѣ все-
го разсказа. Къ героинѣ, только-что пор-
вавшей отношенія съ тѣмъ, кто «не за-
хотѣлъ или не смогъ понять ее въ глу-
бинѣ», пришелъ ея прежній поклонникъ.
Героиня, какъ и подобаетъ непонтой
женщинѣ, приняла его «лежа съ полуза-
крытыми глазами». Разговоръ велся до-
вольно безобидный, съ воспоминаніями о
прошломъ, причемъ героиня такъ ярко
описывала, какъ въ Неаполѣ «море ше-
лестѣло», что поклонникъ «видѣлъ передъ
собой то, что она говорила». Но вдругъ
онъ задумался.

«— Что вы молчите? Что вы думаете?—

<...>

И-т

[И. Н. Игнатов].